

«Дружба народов», тридцатилетний инженер Н. М. Сергеев, белорус, «коренной минчанин», как он сам себя характеризует, считает своим родным не только белорусский, но и русский язык, на котором говорили также его отец, дед и прадед, и пишет об «идее общерусского братства», имея в виду близкородственные отношения русского, белорусского, украинского языков. Надо сказать, что близкие мысли и чувства выражаются и в письмах других читателей.

И хотя популярная идея образования новой исторической общности людей под названием *советский народ* теоретически не вытекает из феномена двуязычия, продолжают попытки ее теоретической интерпретации (см. формулировку акад. Ю. В. Бромлея «советский народ как метаэтническая общность» [3]). Остается, правда, еще продумать правомочность возникающего при этом терминологически-понятийного ряда, образуемого, с одной стороны, давно апробированным термином логики и лингвистики *метаязык* как 'язык описания' и, с другой стороны, новыми терминами — *метаэтническая общность, метаэтникум, метаэтнос*¹.

Из устойчивого двуязычия теоретически обязательно вытекает лишь наличие языкового союза, который напрасно у нас пытаются выставить как «спорную идею» или привязать к одной личности; сравните «языковый» (именно так у эстонского автора, вместо языковой. — О. Т.) союз О. Н. Трубачева» в критической статье М. Хинта [10] (см. для ориентации [11—13]).

Иногда возражают, что о языковом союзе уместно говорить лишь при наличии в нем черт, которых «нет в окружающих языках». Но языковая действительность удивительно многообразна; вспомним, что даже весь комплекс шести индоевропейских языковых структурных признаков Н. С. Трубацкого, которые великий ученый постулировал как наличествующие *только в индоевропейских языках* [14], оказался не уникален и был в полном составе обнаружен в одном туземном языке Америки.

Отсюда ясно, что надо продолжать работу по *типологии языковых союзов*, имея в виду не одни только их классические известные модели, не только древние, но и более новые языковые союзы, а также зачатки (элементы) как бы «несостоявшихся» языковых союзов. Задатки потенциальных языковых союзов подчас стоят за явлениями языковой интерференции. Еще 30 лет тому назад меня заинтересовал, например, такой элемент языкового союза, как общая инновация в способе образования служебного слова 'ни один' в немецком (др.-в.-нем. nih-ein, ниж.-нем. nig-ein, н.-в.-нем. kein) и в западнославянских языках (ni-že-jeden, откуда чеш. záný, словц. žiaden, польск. żaden) (см. [15, 16]). Вряд ли было бы разумно отвергать, что называется, с порога потенцию образования языковых союзов относительно молодых — в сравнительно новое время. Это предубеждение я бы сравнил с другой распространенной иллюзией, что все фонетические процессы к настоящему времени (особенно в языках с мощной письменной традицией) уже закончились.

Работа по исследованию языковых союзов, а равно их типологии в общем ведется уже достаточно давно. При этом термин *языковой союз* (нем. Sprachbund), с 1928 г., связывают с Н. С. Трубацким; если кого-либо по-прежнему не устраивает термин *языковой союз*, можно использовать термин У. Вайнрайха, 1958 г., — *зона (или ареал) языковой конвергенции*

¹ Историк-этнолог Л. Н. Гумилев (см., например, [9]) строит новый ряд «этнических» терминов — «субэтнос», «суперэтнос», но свое важное обещание — «дать строгое определение понятию этноса» [9, с. 209] — он не выполняет. Полагая, что в этнических передвижениях повинна «биохимическая энергия живого вещества», автор, мягко говоря, упрощает дело, прибегая к аналогиям передвижений саранчи, муравьев, крыс, леммингов, которые все в итоге гибнут... Интересно, куда мы зашли бы, вооружившись таким «доказательным» материалом, при решении, скажем, проблемы «мигрантов» в Прибалтике? Того же уровня его утверждение, что история — это «фиксация биохимических процессов в человечестве на популяционном уровне» [9, с. 243].